

О ЧЕМ ЭТА КНИГА?

Незадолго до крестьянской реформы в родовое имение своего друга Аркадия приезжает студент-медик и самопровозглашенный нигилист Евгений Базаров. Он отрицает все идеалы и приличия, чем шокирует либерально настроенных «отцов», — но влюбляется в молодую вдову Одинцову, и его образ мыслей не выдерживает столкновения с чувством. Самый публицистический и самый знаменитый роман Тургенева не просто выводит на сцену «нового человека», отражая политическую полемику своего времени, — это книга о столкновении идеолога с собственными идеями.

КОГДА ОНА БЫЛА НАПИСАНА?

Начало 1860-х для Тургенева — бурное время: он ссорится с Иваном Гончаровым, обвинившим его в плагиате, Добролюбов и Чернышевский критикуют его романы «Накануне» и «Рудин» в журнале «Современник». Уязвленный Тургенев задумывается о завершении карьеры, но в итоге пишет новый роман — осмысление общественной атмосферы и «новых людей», которых писатель еще недавно числил в союзниках. Непосредственный прототип Базарова — не Добролюбов и не Чернышевский, а встреченный Тургеневым безвестный «молодой провинциальный врач», умерший, как и Базаров, в 1859 году. Тургенев начинает писать «Отцов и детей» по горячим следам конфликта с «Современником», но прерывает работу в 1861-м — скорее всего, причиной

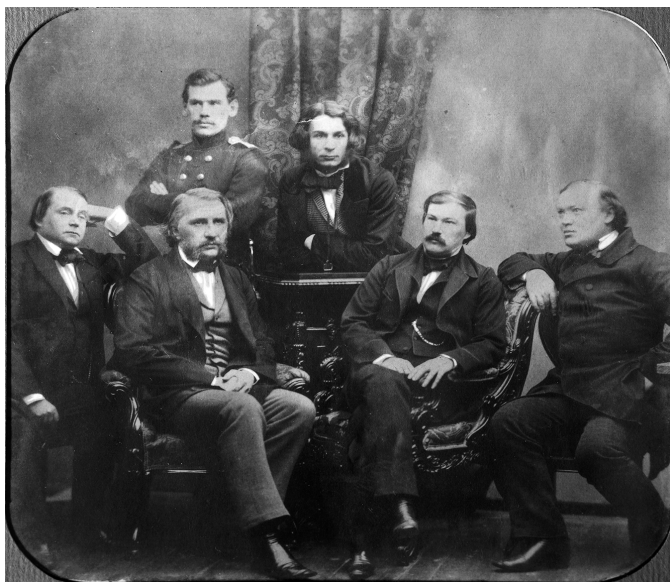
тому долгожданная крестьянская реформа, к которой готовятся в романе. Таким образом, «Отцы и дети», вышедшие в 1862-м, — взгляд на события трехлетней давности уже из другой эпохи.

КАК ОНА НАПИСАНА?

Как всегда у Тургенева, общественная аналитика сочетается с поэтичным стилем. Критик Николай Страхов указывал, что Тургенев не укоряет Базарова за равнодушие к природе, презрение к дружбе, романтической любви и родительскому чувству, а только изображает все это (и самого Базарова) «со всею роскошью и проницательностью поэзии». Поэтичную окраску прозе традиционно придают пейзажи, но у Тургенева пасторальные картины провинции служат лишь фоном — для жарких споров «отцов-либералов» с «детьми-революционерами» и для напряженных отношений помещиков и крестьян. Сюжет романа не слишком разветвлен, за ним легко следить, но Тургенев раскрывает прошлое своих персонажей постепенно — и тем самым заставляет читателя задумываться об истории героев и причинах их разногласий.

ЧТО НА НЕЕ ПОВЛИЯЛО?

Прежде всего — политические разногласия Тургенева с редакцией «Современника». Наверняка, описывая полемику героев, Тургенев держал в памяти и романы Гончарова — «Обыкновенную историю» и еще не заверченный тогда «Обрыв» (именно

Кружок журнала «Современник». 1856 год. Сидят (слева направо): Иван Гончаров, Иван Тургенев, Александр Дружинин, Александр Островский. Стоят (слева направо): Лев Толстой и Дмитрий Григорович

из-за него Гончаров обвинил Тургенева в плагиате). Воззрения Базарова складываются из текстов ученых-позитивистов, таких как «вульгарный материалист» Людвиг Бюхнер^{*1}: Тургенев, судя по всему, прочитал их внимательно и даже критически. А вот источники тургеневского стиля — одно из сложных мест литературоведения: на него, несомненно, повлияла гармоническая ясность пушкинской прозы, вместе с тем многие принципиально важные описания производят впечатление неясности, зыбкости. В этом смысле прозу Тургенева можно сопоставить с поэзией Фета: отсюда

начинается традиция русского импрессионистского письма.

КАК ОНА БЫЛА ОПУБЛИКОВАНА?

После разрыва отношений с «Современником» Тургенев отдал «Отцов и детей» в «Русский вестник». Роман посвящен памяти Виссариона Белинского — еще один полемический жест по отношению к редакции «Современника», которой Тургенев решил напомнить о ее славных предшественниках.

^{*1} Людвиг Бюхнер (1824–1899) — немецкий врач и философ. Одна из ключевых фигур вульгарного материализма — философского течения середины XIX века, согласно которому сложные психологические, духовные феномены можно свести к простым физиологическим причинам. Как социал-дарвинист, Бюхнер считал, что принципы естественного отбора можно распространить на человеческое общество. Его главный труд «Сила и материя» был крайне популярен в России 1860-х годов, до конца века он выдержал 17 изданий.

КАК ЕЕ ПРИНЯЛИ?

«Отцы и дети» были самым обсуждаемым литературным произведением на памяти современников. Слова «нигилист» и «нигилизм» мгновенно вошли в лексикон эпохи. Критики круга «Современника» увидели в Базарове карикатуру на «новых людей». Максим Антонович, занявший место умершего в 1861-м Добролюбова и действительно напоминавший Базарова своим радикализмом и склонностью к вульгарности, опубликовал резкую статью «АсMODEй нашего времени». Статья названа так же, как роман ультраконсервативного писателя Виктора Аскоченского, обличавший порочную, скептически и атеистически настроенную молодежь. Таким образом Антонович прямо говорил, что книга Тургенева — панегирик «отцам» и пасквиль на «детей». Совсем иначе отнесся к роману Дмитрий Писарев: он говорил, что Базаров ему искренне симпатичен и в целом изображен правдоподобно, со всеми достоинствами и недостатками, а появление подобного типа людей закономерно¹. Важнейший отзыв на «Отцов и детей» принадлежит Николаю Страхову, который указал, что Тургенев «написал роман не прогрессивный и не ретроградный, а, так сказать, всегдашний»².

ЧТО БЫЛО ДАЛЬШЕ?

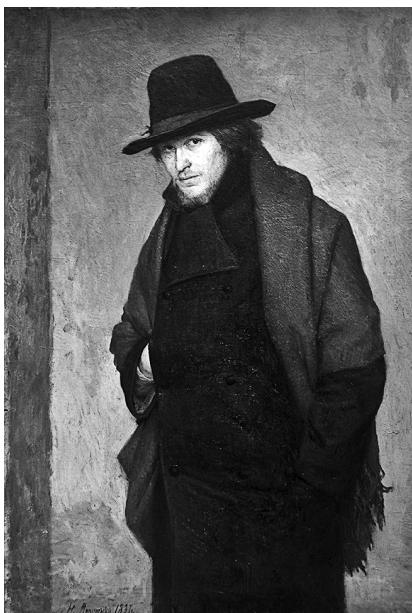
«Отцы и дети» появились в самый разгар публицистического «спора о новых людях» — во многом роман Тургенева и задал ему тон. Годом позже этому спору придаст новую силу роман Николая Чернышевского «Что делать?», предложив-

ший ту самую «позитивную программу», которой так не хватает Базарову и его фантомным единомышленникам. В советском литературоведении и школьной программе закрепится триада «лишний человек — маленький человек — новый человек», и образцом «нового человека» наряду с героями «Что делать?» станет Базаров.

После романа Тургенева о нигилизме заговорили как о реально существующем явлении. Страх перед отрицающими все революционерами достиг умов европейских обывателей, а в России стали появляться антинигилистические романы. Сам того не желая, Тургенев написал текст, который стал одной из точек отсчета в формировании русского революционного движения. Не раз экранизированные, поставленные на сцене, вызвавшие много трактовок, «Отцы и дети» остаются одним из самых живых и обсуждаемых произведений русского канона — несмотря на то, что исторический контекст романа давно ушел в прошлое.

ПОЧЕМУ ТУРГЕНЕВ ТАК ПОДРОБНО ОПИСЫВАЕТ ПРОИСХОЖДЕНИЕ СВОИХ ПЕРСОНАЖЕЙ?

Ключевые персонажи Тургенева зачастую люди со сложным, смешанным происхождением. В первую очередь это касается Базарова. Его мать была столбовой дворянкой, то есть происходила из древнего рода, а отец получил потомственное дворянство, потому что в бытность военным штаб-лекарем заслужил орден Святого Владимира 4-й степени. Это дворянство — при-

Николай Ярошенко. Студент. 1881 год

обретенное, не имеющее истории; склад ума Базарова-младшего, наследующего профессию отца, — совершенно разночинский. При этом, как ни парадоксально, в его заявлении рафинированному дворянину Павлу Петровичу — «Мой дед землю пахал» — звучит поистине дворянская горделивость. В «Отцах и детях» есть начерченные пунктиром связи между Кирсановыми и Базаровыми: отец Базарова служил в бригаде деда Аркадия, генерала 1812 года; дед Базарова участвовал в переходе Суворова через Альпы. Казалось бы, у этих семей много общего, но здесь в дело вступают идеологические и — не в последнюю очередь — материальные соображения: имение Кирсановых, хотя ему и грозит разорение, на порядок крупнее и богаче дома Базаровых. В итоге на отношения людей, имеющих твердые убеждения, ока-

зывает большое влияние, как сейчас ска-
зали бы, бэкграунд.

МОЖНО ЛИ СКАЗАТЬ, ЧТО «ДЕТИ» ИНТЕРЕСУЮТ ТУРГЕНЕВА БОЛЬШЕ, ЧЕМ «ОТЦЫ»?

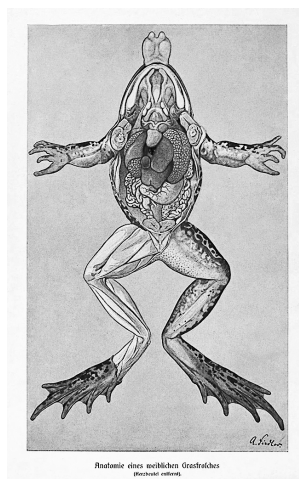
Как правило, роман сводят к линии Базарова, но само название «Отцы и дети» подсказывает, что окружение героя играет не менее важную роль. Критики, настроенные к роману Тургенева скептически, считали его панегириком «отцам» (и одновременно клеветой на «детей») — именно в таком ключе выступает Максим Антонович. Менее пристрастные критики, в том числе Писарев и Страхов, отмечали, что у каждого персонажа романа особенный характер со своими противоречиями. К примеру, Павел и Николай Кирсановы не сводятся к идее либерализма, даже широко понятый: их взгляды, особенно Павла Петровича, главного антагониста Базарова, обусловлены их биографией. Все эти персонажи не сводятся к сюжетным функциям.

ПОЧЕМУ БАЗАРОВ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ НИГИЛИСТОМ? ЧТО ТАКОЕ НИГИЛИЗМ?

Слово «нигилизм», как верно указывает Николай Петрович Кирсанов, происходит от латинского nihil — «ничто». Термины с этим корнем известны со Средневековья; именно в форме «нигилизм» его впервые употребляет, судя по всему, немецкий философ и врач Якоб Оберайт в 1787 году.

В 1829 году филолог и журналист Николай Надеждин вводит его в русский язык: для него нигилисты — это отрицатели классицизма, неистовые поклонники байроновского романтизма. В немецкой философской традиции нигилизм сначала трактуется близко к термину «идеализм», но затем приобретает новое значение: тотальное отрицание, неприятие авторитетов, желание разрушить весь общепринятый уклад жизни. Эти идеи высказывают Макс Штирнер*¹ и чтимый Базаровым Людвиг Бюхнер, впоследствии их переосмыслит Фридрих Ницше.

С легкой руки Тургенева слова «нигилизм» и «нигилист» приобретают широкое хождение. Среди непосредственных реакций на «Отцов и детей» — «антинигилистические романы», в которых нигилисты демонизируются и мифологизируются. В этом жанре выступают среди прочих Алексей Писемский и Николай Лесков, а вершиной антиреволюционного пафоса станут «Бесы» Достоевского. Зловещие нигилисты встречаются в рассказах Конан Дойла о Шерлоке Холмсе и романе Честертона «Человек, который был Четвергом». Альбер Камю посвятит Базарову и русскому нигилизму обширные пассажи эссе «Бунтующий человек»: по мнению Камю, нигилизм, одобряющий насилие и вседозволенность, — один из корней тоталитарных режимов XX века и тоталитарной идеологии в принципе. Писатель Александр Иличевский считает, что роман Тургенева — «первая в русской культуре

Анатомия самки травяной лягушки.

Из книги Альфреда Брема

«Жизнь животных». 1911 год.

В романе Базаров собирает лягушек для опытов, объясняя дворовому мальчишке: «Мы с тобой те же лягушки, только что на ногах ходим»

попытка показать, как идеология уничтожает человека»³.

КТО ТАКИЕ «МЫ», О КОТОРЫХ ГОВОРИТ БАЗАРОВ? К КАКОМУ ДЕЛУ ОН СЕБЯ ГОТОВИТ?

Из рассказов Базарова можно сделать вывод, что существует некое сообщество людей — и немалое, одержимое общими идеями: духом отрицания, стремлением сломать старый порядок, «расчистить место». Поняв, что постоянное обличение

*¹ Макс Штирнер (настоящее имя — Иоганн Каспар Шмидт; 1806–1856) — немецкий философ. В своем главном труде «Единственный и его собственность» Штирнер полагает, что собственное «я» превыше всего, поэтому у человека есть право отстаивать свои интересы, не оглядываясь на этические нормы. При жизни философ был практически забыт, но о нем вспомнили в связи с идеями Ницше: как оказалось, многие из них уже содержались в сочинениях Штирнера.

общественного кризиса вздорно и бесполезно, нигилисты «решились ни за что не приниматься» — однако несколькими строками позже Базаров дает понять, что они собираются «действовать». Противоречие здесь кажущееся: слово «делать» в устах и Базарова, и Павла Петровича означает некую «позитивную программу», «действовать» же — любое действие в принципе, в том числе и разрушение.

Однако никаких «нас», которые «ничего не проповедуют» и собираются действовать, в романе не обнаруживается. Из Базарова и Аркадия вряд ли получится революционный отряд, считать серьезным нигилистом Ситникова нельзя, хотя Базаров и прочит его для черной работы. Ни о каких других товарищах по делу ни разу не упоминают ни Базаров, ни Аркадий, который знает Базарова уже полгода. Это довольно странно: либо Базаров преувеличивает численность нигилистов (и оценка Павла Петровича — «четыре человека с половиною» — близка к истине), либо деятельность его товарищей глубоко законспирирована.

Вместе с тем такие люди, как Базаров, действительно существовали в России и создавали организации, примером может служить основанная в 1861 году «Земля и воля». Однако ни к какому разрушению они не были готовы. Еще Писарев замечает: «...в течение 1860 и 1861 года Базаров не мог бы сделать ничего такого, что бы показало нам приложение его мирозерцания к жизни; он бы по-прежнему резал лягушек, возился бы с микроскопом и, насмехаясь над различными проявлениями романтизма, пользовался бы благами жизни по мере сил и возможности»⁴. После романа Тургенева нигилистические

злодейства переходят в разряд городских легенд: в 1862-м, когда начинают гореть склады в Петербурге, в поджогах обвиняют нигилистов, ссылаясь при этом на «Отцов и детей». Обвинения эти окажутся неубедительными, а возникшая в 1861 году революционная организация «Земля и воля» вскоре распадется: как мог бы предсказать Базаров, надежда на крестьянское восстание оказалась тщетной. Следующее поколение революционеров, в первую очередь «Народная воля», перейдет уже к настоящему террору: после нескольких неудачных покушений 1 марта 1881 года будет убит освободивший крестьян Александр II.

ПОЧЕМУ ОДИНЦОВА ОТВЕРГАЕТ ЛЮБОВЬ БАЗАРОВА?

На первый взгляд кажется, что Тургенев объясняет это достаточно ясно. Искренне увлекшаяся Базаровым Одинцова не просто решает предпочесть спокойствие любви, которая неизвестно к чему ее приведет: заглянув «за известную черту», то есть вытребовав у Базарова признание и впервые соприкоснувшись с ним телесно (впрочем, относительно невинно: речь идет всего лишь об одном объятии), она увидела «даже не бездну, а пустоту... или безобразие». Возможно, бездна как раз покорила и поманила бы Одинцову, но каким-то наитием она предчувствует бесплодность и дальнейших отношений, и судьбы Базарова. Но, говоря «или», Тургенев не в первый раз оставляет простор для догадок. Можно предположить, что слово «безобразие» относится к характеру страсти Базарова, «похожей на злобу и, быть может, сродни ей» (опять «быть

может»!), страсти непродуктивной, противоречащей самой себе.

Любопытную идею высказывает в своем эссе «Человек и темнота» писатель Александр Иличевский: «Что происходит при первом объятии предполагаемых возлюбленных? Правильно: и он, и она слышат запах друг друга — запах дыхания, запах тела. После объятия они перестают говорить на человеческом языке и начинают говорить на языке физиологии — феромонов или чего угодно, но только язык этот не человеческий. Осмелюсь предположить, что Одинцовый запах — или неосознаваемый феромон Базарова — не приглянулся, вызвал тревогу, и она отшатнулась. Вот почему ей померещилось нечто, что она назвала “безобразием”»⁵.

Обратим внимание, что в финале романа Одинцова выходит замуж «не по любви, но по убеждению, за одного из будущих русских деятелей, человека очень умного, законника, с крепким практическим смыслом, твердою волей и замечательным даром слова, — человека еще молодого, доброго и холодного как лед». По описанию это какой-то модифицированный Базаров, преобразователь системы изнутри — но больше о нем мы ничего не узнаем.

ЗАЧЕМ ТУРГЕНЕВУ НУЖНА СМЕРТЬ БАЗАРОВА?

«Да, поди попробуй отрицать смерть. Она тебя отрицает, и баста!» — говорит умирающий Базаров. Смерть Базарова, находящегося на пороге какого-то важного дела, больше чем *deus ex machina*, позволяющий разрешить запутавшийся сюжет. Ба-

заров, и так основательно разуверившийся в своих идеях, сталкивается с универсальным опытом, который по-своему ставит точку во всех спорах. Продолжение этой идеи смерти как «великого уравниателя» — описание могилы Базарова: цветы на ней говорят «о вечном примирении и о жизни бесконечной». Последние слова романа, произнесенные голосом всеведущего автора, поневоле читаются как мораль.

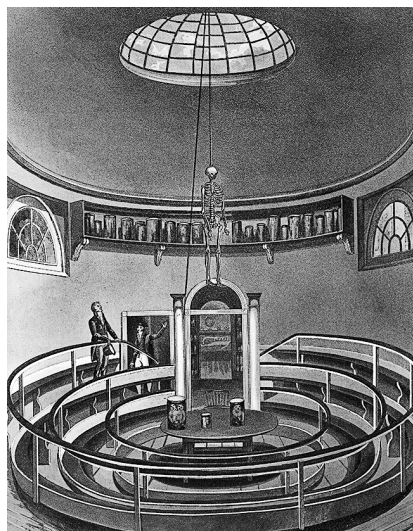
Если эта мораль ясна, то символическое наполнение смерти Базарова порождает разные толкования. Так, Петр Вайль и Александр Генис считают, что злосчастный порез — знак все того же «великого уравниателя»: «Убила Базарова не цап-пина, а сама природа. Он снова вторгся своим грубым ланцетом (на этот раз буквально) преобразователя в заведенный порядок жизни и смерти — и пал его жертвой»⁶. Одну из самых пронизательных догадок о смерти Базарова высказывают Сергей Никольский и Виктор Филимонов, в целом настроенные против разночинской версии ответа на вопрос: «Как нам обустроить Россию». По их версии, Базарова губит тот самый нигилизм, который он проповедовал, то есть отрицание культуры: Базаров при вскрытии жертвы тифа плохим скальпелем наносит себе рану, а у местного лекаря нет даже «адского камня», чтобы ее прижечь. «Вы, господин Базаров, хотели торжества нигилизма, так извольте получить. Вот потому-то нам и жалко этого несимпатичного грубияна, что гибнет он не от своего, наполовину показного, наполовину потешного “нигилизма”, а от столкновения с чудовищным реальным явлением — отсталостью и дикостью российского бытия, чуждого культуре, построенному и продолжающему существовать

на фундаменте небрежения человеческой жизнью»⁷, — заключают исследователи.

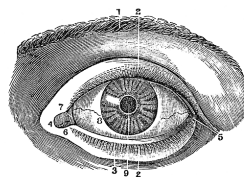
Наконец, смерть Базарова (как любая смерть) наполняет новым значением его фигуру. Для Писарева то, как умирает Базаров, — окончательное свидетельство в пользу нераскрытого величия как этого человека, так и той силы, которую он олицетворяет. Мужество Базарова в смертный час заслоняет его отталкивающие черты.

ПОЧЕМУ ВАЖНО, ЧТО БАЗАРОВ — МЕДИК?

Мы ничего не знаем о том молодом враче, который стал непосредственным прототипом Базарова, но то, что нигилист Базаров выбрал медицину, очень говорящая деталь. Медицина, анатомия, физиология, эмбриология — все это науки о человеке, имеющие дело с телом и его функциями, с чистыми фактами, согласованными друг с другом. Места для души, мистики, сантиментов в позитивистской картине мира медика XIX века не остается. «И что за таинственные отношения между мужчиной и женщиной? — насмешливо спрашивает Базаров. — Мы, физиологи, знаем, какие это отношения. Ты проштудируй-ка анатомию глаза: откуда тут взяться, как ты говоришь, загадочному взгляду?» Замечание об Одинцовой: «Этакое богатое тело! хоть сейчас в анатомический театр», — напоминает о знаменитом черном юморе врачей; это такая же защитная реакция психики: Базаров уже начинает испытывать незна-

Анатомический театр.
Из книги «История Кембриджского
университета». 1915 год

Человеческий глаз. Из книги
«Система человеческой анатомии»
Эразмуса Уилсона. 1859 год

комое ему ранее любовное влечение. Медициной, правда в карикатурной форме, интересуются и самопровозглашенные соратники Базарова — Ситников и Кукушина. Позитивистская редукция*¹ науки увлекает нигилистов настолько, что, по замечанию Камю, занимает место религиозных предрассудков.

*¹ Сведение всего возможного знания к эмпирическим данным — к тому, что можно увидеть, потрогать или установить путем эксперимента. Любые идеи или теории, не строящиеся на этой основе, с точки зрения позитивистов, пустая фантазия, не имеющая отношения к науке.

ПОЧЕМУ КАТЯ НАЗЫВАЕТ СЕБЯ И АРКАДИЯ РУЧНЫМИ?

«Он хищный, а мы с вами ручные» — так говорит сестра Одинцовой Катя, сравнивая себя и своего будущего мужа Аркадия с Базаровым. Аркадий на это немного обижается, не понимая еще, что быть «ручным» ему скоро понравится. Катя напрямую уподобляет себя, Аркадия и Базарова животным — и, скорее всего, это понравилось бы Базарову (как наверняка понравилась бы ему дарвиновская теория эволюции, которая будет опубликована через несколько месяцев после базаровской смерти). Ее отличает та же способность к трезвому суждению, что и Базарова, — и она успешно замещает Аркадию его наставника, который, уезжая, дает понять, что спокоен за будущее своего друга, и сравнивает его с галкой — «самой почтенной, семейной птицей». Галка — птица не ручная, но и (по крайней мере, в сознании обычного человека, не зоолога) не хищная, не вполне вольная, держащаяся близко к человеческому жилищу.

«ДА ОН И БЫЛ МЕРТВЕЦ». ЧТО ОЗНАЧАЕТ ЭТА НЕОЖИДАННАЯ ФРАЗА, ЗАВЕРШАЮЩАЯ ИСТОРИЮ ДУЭЛИ И БОЛЕЗНИ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА?

Хотя роман Тургенева производит впечатление объективного текста, автор несколько раз вмешивается в повествование с оценками, которые окончательно расставляют все по местам, или, наоборот, признается, что побуждения его героев ему

неизвестны. Как ни странно, подобное признание не противоречит идее всеведущего автора, а говорит скорее о его деликатности. Фраза о Павле Петровиче — одно из самых сильных авторских суждений в романе. В первую минуту даже можно представить, что Павел Петрович действительно умер от своей пустячной раны или от нервного потрясения. На самом деле «смерть» Павла Петровича — внутреннее психологическое состояние: после долгой душевной борьбы, отказа от предрассудков и притязаний на Фенечку, переоценки Базарова Павел Петрович окончательно умирает для этого мира — его ждет доживание за границей, в приятной обстановке и с новыми знакомствами, но в его жизни больше не произойдет ничего существенного, и роману он больше не нужен. Перед нами, по сути, символическое убийство героя.

БЫЛА ЛИ В ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ ВОЗМОЖНА ДУЭЛЬ ПАВЛА ПЕТРОВИЧА С БАЗАРОВЫМ?

Дуэли были законодательно запрещены на протяжении почти всего XIX века, однако на повсеместные нарушения этого запрета смотрели сквозь пальцы. В середине XIX века дуэли были уже не так распространены, как несколькими десятилетиями раньше: их воспринимали как анахронизм. Существенно, что, согласно большинству неписаных дуэльных кодексов, дуэль была возможна только между равными по происхождению и социальному положению противниками. От читателей «Отцов и детей» часто ускользает

Отцы и дети

Посвящается памяти
Виссариона Григорьевича БЕЛИНСКОГО

I

— Что, Петр, не видать еще? — спрашивал 20-го мая 1859 года, выходя без шапки на низкое крылечко постоялого двора на *** шоссе, барин лет сорока с небольшим, в запыленном пальто и клетчатых панталонах, у своего слуги, молодого и щекастого малого с беловатым пухом на подбородке и маленькими тусклыми глазенками.

Слуга, в котором все: и бирюзовая сережка в ухе, и напояженные разноцветные волосы, и учтивые телодвижения, словом, все изобличало человека новейшего, усовершенствованного поколения, посмотрел снисходительно вдоль дороги и отвечивал: «Никак нет-с, не видать».

— Не видать? — повторил барин.

— Не видать, — вторично отвечивал слуга.

Барин вздохнул и присел на скамеечку. Познакомим с ним читателя, пока он сидит, подогнувши под себя ножки и задумчиво поглядывая кругом.

Зовут его Николаем Петровичем Кирсановым. У него в пятнадцати верстах от постоялого дворика хорошее имение в двести душ, или, как он выражается с тех пор, как размежевался с крестьянами и завел «ферму», — в две тысячи десятин земли. Отец его, боевой генерал 1812 года, полуграмотный, грубый, но не злой русский человек, всю жизнь свою тянул лямку, командовал сперва бригадой, потом дивизией и постоянно жил в провинции, где в силу своего чина играл довольно значительную роль. Николай Петрович родился на юге России, подобно старшему своему брату Павлу, о котором речь впереди, и воспитывался до четырнадцатилетнего возраста дома, окруженный дешевыми гувернерами, развязными, но подобострастными адъютантами и прочими полковыми и штабными личностями. Родительница его, из фамилии Колязиных, в девицах Agathe, а в генеральшах Агафоклея Кузьминишна Кирсанова, принадлежала к числу «матушек-командирш», носила пышные чепцы и шумные шелковые платья, в церкви подходила первая ко кресту, говорила громко и много, допускала детей утром к ручке, на ночь их благословляла, — словом, жила в свое удовольствие. В качестве

генеральского сына Николай Петрович — хотя не только не отличался храбростью, но даже заслужил прозвище трусишки — должен был, подобно брату Павлу, поступить в военную службу; но он переломил себе ногу в самый тот день, когда уже прибыло известие об его определении, и, пролежав два месяца в постели, на всю жизнь остался «хроменьким». Отец махнул на него рукой и пустил его по штатской. Он довез его в Петербург, как только ему минул восемнадцатый год, и поместил его в университет. Кстати, брат его о ту пору вышел офицером в гвардейский полк. Молодые люди стали жить вдвоем, на одной квартире, под отдаленным надзором двоюродного дяди с материнской стороны, Ильи Колязина, важного чиновника. Отец их вернулся к своей дивизии и к своей супруге и лишь изредка присылал сыновьям большие четвертушки серой бумаги, испещренные размашистым писарским почерком. На конце этих четвертушек красовались старательно окруженные «выкрутасами» слова: «Пиотр Кирсанов, генерал-майор». В 1835 году Николай Петрович вышел из университета кандидатом, и в том же году генерал Кирсанов, уволенный в отставку за неудачный смотр, приехал в Петербург с женою на житье. Он нанял было дом у Таврического сада и записался в английский клуб, но внезапно умер от удара. Агафоклея Кузьминишна скоро за ним последовала: она не могла привыкнуть к глухой столичной жизни; тоска отставного существования ее загрызла. Между тем Николай Петрович успел, еще при жизни родителей и к немалому их огорчению, влюбиться в дочку чиновника Преполовенского, бывшего хозяина его квартиры, миловидную и, как говорится, развитую девицу: она в журналах читала серьезные статьи в отделе «Наук». Он женился на ней, как только минул срок траура, и, покинув министерство уделов, куда по протекции отец его записал, блаженствовал со своею Машей сперва на даче около Лесного института, потом в городе, в маленькой и хорошенькой квартире, с чистою лестницей и холодноватою гостиной, наконец — в деревне, где он поселился окончательно и где у него в скором времени родился сын Аркадий. Супруги жили очень хорошо и тихо: они почти никогда не расставались, читали вместе, играли в четыре руки на фортепьяно, пели дуэты; она сажала цветы и наблюдала за птичным

двором, он изредка ездил на охоту и занимался хозяйством, а Аркадий рос да рос — тоже хорошо и тихо. Десять лет прошло как сон. В 47-м году жена Кирсанова скончалась. Он едва вынес этот удар, поседел в несколько недель; собрался было за границу, чтобы хотя немного рассеяться... но тут настал 48-й год. Он поневоле вернулся в деревню и после довольно продолжительного бездействия занялся хозяйственными преобразованиями. В 55-м году он повез сына в университет; прожил с ним три зимы в Петербурге, почти никуда не выходя и стараясь заводить знакомства с молодыми товарищами Аркадия. На последнюю зиму он приехать не мог, — и вот мы видим его в мае месяце 1859 года, уже совсем седого, пухленького и немного сгорбленного: он ждет сына, получившего, как некогда он сам, звание кандидата.

Слуга, из чувства приличия, а может быть, и не желая остаться под барским глазом, зашел под ворота и закурил трубку. Николай Петрович поник головой и начал глядеть на ветхие ступеньки крылечка: крупный пестрый цыпленок степенно расхаживал по ним, крепко стуча своими большими желтыми ногами; запачканная кошка недружелюбно посматривала на него, жеманно прикорнув на перила. Солнце пекло; из полутемных сеней постоянного двора несло запахом теплого ржаного хлеба. Замечтался наш Николай Петрович. «Сын... кандидат... Аркаша...» — беспрестанно вертелось у него в голове; он пытался думать о чем-нибудь другом, и опять возвращались те же мысли. Вспомнилась ему покойница-жена... «Не дождалась!» — шепнул он уныло... Толстый сизый голубь прилетел на дорогу и поспешно отправился пить в лужицу возле колодца. Николай Петрович стал глядеть на него, а ухо его уже ловило стук приближающихся колес...

— Никак они едут-с, — доложил слуга, вынырнув из-под ворот.

Николай Петрович вскочил и устремил глаза вдоль дороги. Показался тарантас, запряженный тройкой ямских лошадей; в тарантасе мелькнул околыш студентской фуражки, знакомый очерк дорогого лица...

— Аркаша! Аркаша! — закричал Кирсанов, и побежал, и замахал руками... Несколько мгновений спустя его губы уже

прильнули к безбородой, запыленной и загорелой щеке молодого кандидата.

II

— Дай же отряхнуться, папаша, — говорил несколько сиплым от дороги, но звонким юношеским голосом Аркадий, весело отвечая на отцовские ласки, — я тебя всего запачкаю.

— Ничего, ничего, — твердил, умиленно улыбаясь, Николай Петрович и раза два ударил рукою по воротнику сыновней шинели и по собственному пальто. — Покажи-ка себя, покажи-ка, — прибавил он, отодвигаясь, и тотчас же пошел торопливыми шагами к постоялому двору, приговаривая: «Вот сюда, сюда, да лошадей поскорее».

Николай Петрович казался гораздо встревоженнее своего сына; он словно потерялся немного, словно робел. Аркадий оставил его.

— Папаша, — сказал он, — позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал. Он так любезен, что согласился погостить у нас.

Николай Петрович быстро обернулся и, подойдя к человеку высокого роста в длинном балахоне с кистями, только что вылезшему из тарантаса, крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал.

— Душевно рад, — начал он, — и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество?

— Евгений Васильев, — отвечал Базаров ленивым, но мужественным голосом и, отвернув воротник балахона, показал Николаю Петровичу все свое лицо. Длинное и худое, с широким лбом, кверху плоским, книзу заостренным носом, большими зеленоватыми глазами и висячими бакенбардами песочного цвета, оно оживлялось спокойной улыбкой и выражало самоуверенность и ум.

— Надеюсь, любезнейший Евгений Васильич, что вы не соскучитесь у нас, — продолжал Николай Петрович.

Тонкие губы Базарова чуть тронулись; но он ничего не отвечал и только приподнял фуражку. Его темно-белокурые волосы, длинные и густые, не скрывали крупных выпуклостей просторного черепа.

— Так как же, Аркадий, — заговорил опять Николай Петрович, оборачиваясь к сыну, — сейчас закладывать лошадей, что ли? Или вы отдохнуть хотите?

— Дома отдохнем, папаша; вели закладывать.

— Сейчас, сейчас, — подхватил отец. — Эй, Петр, слышишь? Распорядись, братец, поживее.

Петр, который в качестве усовершенствованного слуги не подошел к ручке барича, а только издали поклонился ему, снова скрылся под воротами.

— Я здесь с коляской, но и для твоего тарантаса есть тройка, — хлопотливо говорил Николай Петрович, между тем как Аркадий пил воду из железного ковшика, принесенного хозяйкой постоялого двора, а Базаров закурил трубку и подошел к ямщику, отпрягавшему лошадей, — только коляска двухместная, и вот я не знаю, как твой приятель...

— Он в тарантасе поедет, — перебил вполголоса Аркадий. — Ты с ним, пожалуйста, не церемонься. Он чудесный малый, такой простой — ты увидишь.

Кучер Николая Петровича вывел лошадей.

— Ну, поворачивайся, толстобородый! — обратился Базаров к ямщику.

— Слышь, Митюха, — подхватил другой тут же стоявший ямщик с руками, засунутыми в задние прорехи тулупа, — барин-то тебя как прозвал? Толстобородый и есть.

Митюха только шапкой потряхнул и потащил вожжи с потной коренной.

— Живей, живей, ребята, подсобляйте, — воскликнул Николай Петрович, — на водку будет!

В несколько минут лошади были заложены; отец с сыном поместились в коляске; Петр взобрался на козлы; Базаров вскочил в тарантас, уткнулся головой в кожаную подушку — и оба экипажа покатили.

III

— Так вот как, наконец ты кандидат и домой приехал, — говорил Николай Петрович, потрогивая Аркадия то по плечу, то по колену. — Наконец!

— А что дядя? здоров? — спросил Аркадий, которому, несмотря на искреннюю, почти детскую радость, его наполнявшую, хотелось поскорее перевести разговор с настроения взволнованного на обыденное.

— Здоров. Он хотел было выехать со мной к тебе навстречу, да почему-то раздумал.

— А ты долго меня ждал? — спросил Аркадий.

— Да часов около пяти.

— Добрый папаша!

Аркадий живо повернулся к отцу и звонко поцеловал его в щеку. Николай Петрович тихонько засмеялся.

— Какую я тебе славную лошадь приготовил! — начал он, — ты увидишь. И комната твоя оклеена обоями.

— А для Базарова комната есть?

— Найдется и для него.

— Пожалуйста, папаша, приласкай его. Я не могу тебе выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.

— Ты недавно с ним познакомился?

— Недавно.

— То-то прошлую зимой я его не видал. Он чем занимается?

— Главный предмет его — естественные науки. Да он все знает. Он в будущем году хочет держать на доктора.

— А! он по медицинскому факультету, — заметил Николай Петрович и помолчал. — Петр, — прибавил он и протянул руку, — это, никак, наши мужики едут?

Петр глянул в сторону, куда указывал барин. Несколько телег, запряженных разнузданными лошадьми, шибко катились по узкому проселку. В каждой телеге сидело по одному, много по два мужика в тулупах нараспашку.

— Точно так-с, — промолвил Петр.

— Куда это они едут, в город, что ли?

— Полагать надо, что в город. В кабак, — прибавил он презрительно и слегка наклонился к кучеру, как бы ссылаясь на него. Но тот даже не пошевелился: это был человек старого закала, не разделявший новейших воззрений.

— Хлопоты у меня большие с мужиками в нынешнем году, — продолжал Николай Петрович, обращаясь к сыну. — Не платят оброка. Что ты будешь делать?

— А своими наемными работниками ты доволен?

— Да, — процедил сквозь зубы Николай Петрович. — Подбивают их, вот что беда; ну, и настоящего старания все еще нету. Сбрую портят. Пахали, впрочем, ничего. Перемелется — мука будет. Да разве тебя теперь хозяйство занимает?

— Тени нет у вас, вот что горе, — заметил Аркадий, не отвечая на последний вопрос.

— Я с северной стороны над балконом большую маркизу приделал, — промолвил Николай Петрович, — теперь и обедать можно на воздухе.

— Что-то на дачу больно похоже будет... а впрочем, это всё пустяки. Какой зато здесь воздух! Как славно пахнет! Право, мне кажется, нигде в мире так не пахнет, как в здешних краях! Да и небо здесь...

Аркадий вдруг остановился, бросил косвенный взгляд назад и умолк.

— Конечно, — заметил Николай Петрович, — ты здесь родился, тебе все должно казаться здесь чем-то особенным...

— Ну, папаша, это все равно, где бы человек ни родился.

— Однако...

— Нет, это совершенно все равно.

Николай Петрович посмотрел сбоку на сына, и коляска проехала с полверсты, прежде чем разговор возобновился между ними.

— Не помню, писал ли я тебе, — начал Николай Петрович, — твоя бывшая нянюшка, Егоровна, скончалась.

— Неужели? Бедная старуха! А Прокофьич жив?

— Жив и несколько не изменился. Все так же брюзжит. Вообще ты больших перемен в Марьине не найдешь.

Содержание

Предисловие «Полки»	5
Отцы и дети	23
Примечания	218
Источники иллюстраций	219